

ИНОГДА
СНЫ ЗНАЮТ
БОЛЬШЕ,
ЧЕМ МЫ...

ЦЕНА СВОБОДЫ

СЕЗОН 2

ТОЛСТИКОВ

Часть 2

ПРАВО НА ПРЕСЛЕДОВАНИЕ

ТОМ 5

Рычаг давления

БЕЗОПАСНОСТЬ —
ЭТО ЗАБОТА.
ИЛИ
КОНТРОЛЬ?

Право
или
контроль?

ИНОГДА
САМЫЕ КРАСИВЫЕ
ДВЕРИ
СКРЫВАЮТ
ПРАВДУ.

ИСК
об определении
места жительства
ребёнка

СУД
ОПЕКА
ЭКСПЕРТИЗА
ДОКАЗАТЕЛЬСТВА

РЫЧАГ
ДАВЛЕНИЯ

НАДЕЖДА ПОРОШИНА

СЕМЕЙНАЯ
ДРАМА

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ
ТРИЛЛЕР

ЖИЗНЕННЫЕ
ИСПЫТАНИЯ

ДОМ
КАК ВЫБОР

НАСТОЯЩАЯ ЛЮБОВЬ НЕ ЗАКРЫВАЕТ ГЛАЗА. ОНА ОТКРЫВАЕТ ДОМ.

Надежда Порошина
ЦЕНА СВОБОДЫ. СЕЗОН
2. Толстиков. Часть 2.
Право на преследование.
Том 5. Рычаг давления

*<https://litres.ru/74522683>
SelfPub; 2026*

Аннотация

После второго инсульта Алексей возвращается к встречам с дочерью. Лина не запрещает общение, но требует безопасности, трезвости и соблюдения договорённостей. Однако отцу мало видеть Юлю — ему необходимо увозить её, самому определять маршрут и доказать, что материнское «нет» больше ничего не решает.

Фотографии счастливого ребёнка становятся доказательствами «идеального отцовства», свидетели видят лишь удобные фрагменты, а каждое условие Лины объявляется препятствием. Во время разговора 19 апреля Алексей впервые прямо называет суд, экспертизу и угрозу отобрать дочь «рычагом давления». Вскоре предупреждение превращается в иск, а право отца — в инструмент возвращения контроля над матерью.

«Рычаг давления» — пятый том семейно-психологической саги «Цена свободы», остросюжетный роман с элементами мистики. Основано на реальных событиях.

Содержание

Глава 11. Девятнадцатое марта	5
Глава 13. Время отца	96
Конец ознакомительного фрагмента.	126

Надежда Порошина

ЦЕНА СВОБОДЫ. СЕЗОН

2. Толстиков. Часть 2.

Право на преследование.

Том 5. Рычаг давления

Глава 11. Девятнадцатое марта

— Ну что, — сказал Алексей. — Поиграли в молчанку — и хватит.

Красная линия двигалась по экрану.

Лина ничего не ответила.

После нескольких месяцев, в которые его голос существовал только в памяти и коротких сообщениях, он снова звучал почти привычно.

Чуть медленнее.

Иногда смазывал согласные.

Но уверенность вернулась полностью.

— Ты слышишь? — спросил Алексей.

— Слышу.

— Почему молчишь?

— Жду, что ты скажешь.

— Я уже сказал. Надо заканчивать этот цирк.

— Какой именно?

— С ребёнком.

— Конкретнее.

Он выдохнул.

Не тяжело.

Раздражённо.

— Ты прекрасно понимаешь.

— Нет. Поэтому прошу объяснить.

— Я хочу нормально видеть дочь.

— Я не запрещала тебе её видеть.

— Вот только не начинай.

— Что?

— Эти заготовленные фразы. «Не запрещала», «предлагала», «безопасный порядок». Я это всё уже слышал.

— Тогда сформулируй, чего хочешь.

— Забирать её.

— Куда?

— Домой.

Лина посмотрела на дверь кухни.

За ней было тихо.

Павел, вероятно, стоял в коридоре и прислушивался, хотя обещал вернуться к урокам.

— На какое время? — спросила она.

— Для начала на день.

— Сколько часов?

— Какая разница?

— Большая. День может означать три часа или двенадцать.

— С утра до вечера.

— Назови время.

— В девять забираю, в восемь привожу.

— Одиннадцать часов.

— Ты считать умеешь.

— Юля никогда не оставалась с тобой на такое время.

— Потому что ты не давала.

— У вас были прогулки.

— По часу. По полтора. Под твоим контролем.

— Я не присутствовала непосредственно.

— Сидела рядом и время засекала.

— Мы согласовали продолжительность.

— Ты согласовала. Я был вынужден принять.

Снова вынужден.

Лина взяла ручку.

Открыла синюю тетрадь.

Написала дату:

19 марта.

Время начала:

18:49.

— После больницы ты почти два месяца не предлагал встреч, — сказала она.

— Я восстанавливался.

— Я знаю.

— Тогда зачем упрекаешь?

— Я не упрекаю. Говорю, что за это время Юля снова отвыкла.

— От родного отца невозможно отвыкнуть.

— Можно забыть человека, которого редко видишь.

— Кто виноват, что редко?

— Ты не писал.

— Потому что ждал от тебя нормального человеческого отношения.

— Какого?

— Чтобы сама привезла дочь.

— Я предлагала встречу в больнице.

— Под твоим надзором.

— Ты не мог самостоятельно ходить.

— Нина была рядом.

— Я предлагала приехать вместе с Юлей.

— Вместе с собой.

— Да. Потому что я её мать и отвечаю за неё.

— Вот. Опять всё сводится к тебе.

Лина почувствовала, как разговор возвращается в старый круг.

Алексей не просил встретиться.

Он ждал, что Лина сама угадает правильную форму.

Привезёт ребёнка.

Оставит.

Не войдёт.

Не задаст вопросов.

Если этого не произошло, молчание становилось её отказом.

— Ты мог написать: «Хочу увидеть Юлю», — сказала она.

— Я не буду каждый раз унижаться.

— Просьба согласовать встречу — не унижение.

— Для тебя легко говорить. Ребёнок у тебя.

— Она живёт со мной.

— Потому что ты так решила.

— Потому что я осуществляю основной уход с рождения.

— Не начинай про подгузники.

— Ты сам поднял вопрос.

— Я говорю о равных правах.

— Равные права не означают, что ребёнка делят пополам по часам.

— А что они означают?

— Что оба родителя участвуют в её жизни с учётом возраста, привязанности, режима и безопасности.

— Кто тебе это написал?

— Никто.

— Юрист?

— Это моя позиция.

— Нет у тебя своей позиции. Ты говоришь чужими словами.

— Потому что тебе не нравятся мои?

— Потому что я тебя знаю. Ты раньше так не разговаривала.

— Раньше я старалась говорить так, чтобы ты не разозлился.

— А теперь специально злишь?

Лина посмотрела на красную линию.

С момента начала разговора прошло четыре минуты.

Они ещё не обсудили ни одного конкретного условия.

— Алексей, ты позвонил говорить о Юле. Давай говорить о ней.

— Я и говорю.

— Почему именно одиннадцать часов?

— Чтобы нормально провести время, а не бегать по твоему секундомеру.

— Что вы будете делать?

— А тебе отчёт нужен?

— Мне нужно понимать, где и с кем находится ребёнок.

— Со мной.

— Где?

— Дома.

— В старом доме?

— В моём доме.

— Там будет тётя Нина?

— Может, будет. Может, нет.

— Кто ещё?

— Какая разница?

— Большая.

— Никого опасного.

— Это не ответ.

— Серёга может зайти. Вадим. Соседи. Обычные люди.

— Я спрашиваю, кто будет ухаживать за Юлей.

— Я.

— Ты можешь полностью пользоваться правой рукой?

На том конце стало тихо.

— А это какое отношение имеет?

— Прямое. Ты сможешь поднять её? Переодеть? Посадить в кресло?

— Я восстановился.

— Полностью?

— Достаточно.

— Что значит «достаточно»?

— Ты решила инвалида из меня сделать?

— Нет.

— Тогда почему спрашиваешь про руку?

— Потому что Юлю нужно поднимать.

— У меня левая есть.

— Она весит больше десяти килограммов.

— Подниму.

— А если потеряешь равновесие?

— Не потеряю.

— Откуда знаешь?

— Потому что хожу.

— С тростьюю?

— Уже почти без.

Слово «почти» он произнёс так, будто оно подтверждало полное восстановление.

— Врач разрешил тебе водить машину? — спросила Лина.

— Причём здесь машина?

— Ты сказал, что заберёшь Юлю.

— Приеду не один.

— Кто будет за рулём?

— Найду.

— Сергей?

— Может, Сергей.

— Ты с ним уже договорился?

— Договорюсь.

— То есть пока нет ни водителя, ни точного плана, но ты требуешь отдать ребёнка на одиннадцать часов?

— Я не требую. Я говорю, как будет нормально.

— Для кого?

— Для отца и дочери.

— А для Юли?

— Я её отец.

Снова титул вместо ответа.

Лина записала:

Требует с 9:00 до 20:00. Водитель не определён. Вра-

чебный допуск к управлению автомобилем неизвестен.

— Ты записываешь? — спросил Алексей.

— Я предупредила.

— Всё подряд пишешь?

— Значимые моменты.

— Кто решает, что значимое?

— Я.

Он коротко рассмеялся.

— Вот в этом вся ты теперь.

— В чём?

— Ты сама всё решаешь.

— О своей записи — да.

— О ребёнке тоже.

— Когда второго родителя рядом нет, текущие решения принимаю я.

— Я рядом.

— Где?

Пауза.

Вопрос прозвучал резче, чем Лина собиралась.

— В смысле «где»?

— Ты не видел Юлю больше месяца. Не звонил. Не спрашивал, как она.

— Я восстанавливался после инсульта.

— Я это учитываю. Но сейчас ты говоришь, что был рядом.

— Я её отец независимо от звонков.

— Да. Но участие измеряется не статусом.

— Опять начинаешь оценивать, какой я отец?

— Ты требуешь одиннадцать часов с ребёнком. Я обязана оценить, сможешь ли ты обеспечить уход.

— Ты не обязана меня экзаменовать.

— Тогда кто?

— Никто. У меня такие же права, как у тебя.

— И такие же обязанности.

— Я готов.

— К чему конкретно?

— Ты издеваешься?

— Нет.

— Я сказал: забираю утром, провожу день, возвращаю вечером.

— Чем ты её будешь кормить?

— Едой.

— Какой?

— Ты дашь.

— Что именно?

— Напишешь.

— Режим сна?

— Напишешь.

— Лекарства, если понадобятся?

— Дашь.

— То есть подготовить всё должна я.

— Ты лучше знаешь.

— А ты хочешь одиннадцать часов самостоятельного времени.

— Чтобы узнать, мне надо с ней быть.

— Начнём с двух.

— Нет.

— Почему?

— Потому что я уже проходил твои этапы.

— До инсульта.

— И что?

— После него изменилось твоё физическое состояние. И между вами был перерыв.

— Значит, болезнь теперь повод начать сначала?

— Не сначала. Я предлагаю два часа.

— При тебе?

— Без моего непосредственного присутствия. В парке или центре. Я буду поблизости.

— Чтобы следить.

— Чтобы помочь при необходимости.

— Мне не нужна помощь.

— Тебе меньше двух месяцев назад была нужна помощь, чтобы встать.

Тишина.

Лина сразу пожалела о фразе.

Не потому, что она была неправдой.

Потому что ударила именно туда, где Алексей был наибо-

лее уязвим.

— Извини, — сказала она.

— За что?

— Это прозвучало жестоко.

— Зато честно.

— Я не хочу унижать тебя болезнью.

— Уже унизила.

— Я говорю о безопасности.

— А я говорю, что восстановился.

— Тогда можем постепенно убедиться.

— Ты будешь убеждаться за мой счёт?

— За счёт Юли я рисковать не буду.

— Вот. Я и есть для тебя риск.

— В некоторых обстоятельствах — да.

Его дыхание стало громче.

Лина слышала, как он что-то передвигает.

Возможно, бутылку.

Возможно, чашку.

— Ты сейчас пьёшь? — спросила она.

— Воду.

— Я просто спросила.

— Нет. Ты опять подводишь к алкоголю.

— Потому что это важно.

— После больницы я не пью.

— Совсем?

— Совсем.

— Это хорошо.

— Мне не нужно твоё одобрение.

— Я не одобряю. Я фиксирую условие безопасности.

— Условие будет одно: ты отдаёшь мне дочь.

— Нет.

Слово прозвучало спокойно.

Алексей замолчал.

— Что «нет»?

— Я не отдам Юлю на одиннадцать часов без постепенного восстановления контакта.

— Значит, запрещаешь.

— Предлагаю два часа.

— Мне не нужны два.

— Тогда получается, тебе важнее продолжительность, чем сама встреча.

— Не переворачивай.

— Если хочешь увидеть дочь, два часа лучше, чем ничего.

— Это ты мне сейчас определила, что лучше?

— Да. В этой ситуации — да.

— А если я скажу: привози на полчаса?

— Я привезу.

Он снова замолчал.

— Вот и вся разница, — сказала Лина.

— Какая?

— Мне важно, чтобы вы виделись. Тебе важно, чтобы встреча прошла только на твоих условиях.

- Мне важно быть отцом, а не посетителем.
- Отцовство не начинается с одиннадцати часов.
- Оно началось с её рождения.
- Но ежедневного ухода с твоей стороны не было.
- Потому что ты всё забрала на себя.
- Я просила помогать.
- Ты потом переделывала.
- Потому что ты надевал подгузник задом наперёд.
- Один раз.
- В детском центре. Первый раз.
- Опять начинаешь считать.
- Потому что ты сейчас переписываешь прошлое.
- Я жил с ребёнком.
- Да.
- Значит, участвовал.
- Жить в одном доме и ухаживать — не одно и то же.
- Это ты решила.
- Это факты.
- Твои факты.

Лина закрыла глаза.

Разговор снова начал распадаться.

У каждого появлялись собственные факты.

Его проживание в доме.

Её ночи с Юлей.

Его покупки.

Её ежедневный уход.

Его статус отца.

Её знание ребёнка.

— Хорошо, — сказала она. — Не будем сейчас спорить о прошлом. Два часа в субботу. В общественном месте. Без моего присутствия рядом с вами. Я буду в кафе неподалёку.

— Нет.

— Почему?

— Хочу домой.

— Пока нет.

— Как долго «пока»?

— После нескольких успешных встреч обсудим.

— Скольких?

— Трёх.

— Опять три.

— Это понятное число.

— Почему не десять?

— Потому что я пытаюсь найти разумный этап.

— Нет. Ты пытаешься сохранить контроль.

Слово вернулось к ней.

Лина почувствовала, как легко оно меняет сторону.

Теперь контролировала она.

Определяла время.

Место.

Условия.

Оценивала готовность.

Требовала трезвость.

Фиксировала.

— Возможно, часть моих решений действительно является контролем, — сказала она.

Алексей не ожидал.

— Что?

— Когда речь идёт о маленьком ребёнке, взрослые контролируют обстоятельства.

— Значит, признаёшь.

— Признаю, что контролирую безопасность Юли. Но не твою жизнь.

— Ты контролируешь, куда я могу с ней идти.

— Пока она со мной постоянно живёт и у нас нет другого соглашения — да, мы должны это согласовывать.

— «Мы». Но решаешь ты.

— Потому что твой вариант я считаю преждевременным.

— А мой голос ничего не значит?

— Значит. Я его слышу. Но не обязана соглашаться.

На том конце раздался тихий стук.

Один раз.

Потом второй.

Алексей, вероятно, постукивал пальцами по столу.

Третьего удара не было.

— Тогда зачем вообще разговаривать? — спросил он.

— Чтобы искать вариант, который учитывает обоих и безопасен для Юли.

— Я назвал.

— Я предложила встречный.

— Два часа — подачка.

— Для ребёнка, который не видел тебя больше месяца, это много.

— Она меня знает.

— Возможно.

— Не «возможно». Знает.

— На последнем видео она тебя узнала.

— Вот.

— Но с тех пор прошло время.

— Ты специально не показывала.

— Я отправляла видео.

— Видео ребёнка. Не разговор.

— Ты отказался от видеосвязи.

— Потому что не хотел видеть тебя.

— Это был твой выбор.

— У меня не было другого. Ты всегда рядом.

— Ей два года.

Фраза вырвалась автоматически.

В реальной хронологии Юля уже была старше, чем в первых месяцах после ухода.

Она ходила.

Говорила отдельные слова.

Но для Алексея оставалась предметом передачи.

— И что? — спросил он.

— В этом возрасте родитель всё равно участвует в видео-

связи.

— Можешь поставить телефон и уйти.

— Она может сбросить звонок, уронить устройство, уйти в другую комнату.

— Значит, вернёшь.

— Ты хочешь, чтобы я обслуживала звонок, но не присутствовала.

— Я хочу общаться с дочерью без твоих ушей.

— О чём таком ты собираешься говорить с двухлетним ребёнком?

— Не твоё дело.

— Если разговор проходит через мой телефон в моём доме, частично моё.

— Вот. Твой дом. Твой телефон. Твои правила. А где моё?

Лина хотела ответить:

в твоём доме;

на твоей территории;

в твоём праве написать;

возможности предложить;

в статусе отца.

Но поняла, что он спрашивает не о месте.

О власти, равной той, что раньше имел в доме.

— Твоё — это связь с Юлей, — сказала она. — Не контроль надо мной.

— Пока она с тобой, одно без другого невозможно.

Красная линия продолжала двигаться.

Та же мысль, что второго декабря.

Тогда Алексей сказал:

«Ты не отделишь себя от неё».

Теперь формулировка стала осторожнее.

Но смысл не изменился.

— Возможно, поэтому тебе так важно увозить её, — сказала Лина.

— Что?

— Чтобы получить ребёнка отдельно от меня.

— А что в этом ненормального?

— Ничего, если цель — отношения с Юлей.

— А какая ещё может быть?

— Доказать, что я больше не определяю условия.

— Ты и не должна.

— Но ты тоже не должен определять один.

— Я предлагаю половину.

— Какую половину?

— Половину времени.

Лина не сразу поняла.

— Ты хочешь, чтобы Юля жила неделю у тебя, неделю у меня?

— Не сейчас. Потом.

— Когда?

— Когда подрастёт.

— Ты серьёзно?

— А что? Я отец.

- У неё основной дом со мной.
- Потому что ты так решила.
- Она ходит в сад здесь. У неё режим. Брат.
- Сад можно поменять.
- Зачем?
- Чтобы было удобно обоим.
- Ты живёшь за городом.
- И что?
- Ей придётся проводить часы в дороге.
- Дети ездят.
- Ты не можешь водить.
- Смогу.
- Когда?
- Врач сказал, восстановление идёт.
- Я рада. Но сейчас обсуждаем настоящее.
- В настоящем ты не даёшь мне ребёнка.
- Даю встречи.
- Не ребёнка.

Фраза прозвучала отчётливо.

Лина записала:

«Даёшь встречи, не ребёнка».

В этом различии находилось главное.

Ему была нужна не встреча.

Передача.

Физическое перемещение Юли из рук матери в его распоряжение.

Пока этого не произошло, отцовство казалось неполным.

— Юля не предмет, который можно «дать», — сказала Лина.

— Опять слова.

— Твои.

— Все нормальные люди говорят «дать ребёнка отцу».

— Я предлагаю общение.

— Под твоим надзором.

— Без непосредственного присутствия.

— На территории, которую выбрала ты.

— Предложи другую нейтральную.

— Мой дом.

— Он не нейтральный.

— Для моей дочери это родной дом.

— Она почти не помнит его.

— Благодаря тебе.

— Благодаря возрасту.

— Ты всё объяснишь как удобно.

Лина посмотрела на таймер.

Прошло пятнадцать минут.

Из обещанных двадцати оставалось пять.

Ни одной договорённости.

— У нас пять минут, — сказала она.

— Мне всё равно.

— Я заранее ограничила время.

— Я не закончил.

— Тогда назови конкретное предложение, кроме одиннадцати часов дома.

— Я уже назвал.

— Оно мне не подходит.

— Значит, отказ.

— Нет. Встречный вариант — два часа.

— Подача.

— Ты можешь принять или предложить другой.

— Хорошо. Пять часов.

— Где?

— В городе.

— Без машины?

— Погуляю.

— После перерыва пять часов много.

— Три.

Лина остановилась.

Первый настоящий шаг навстречу.

Не дом.

Не одиннадцать часов.

Три часа в городе.

— Хорошо, — сказала она. — Три часа.

Алексей тоже замолчал.

Похоже, не ожидал согласия.

— Без тебя, — уточнил он.

— Я не буду рядом. Останусь в доступности, если понадобится помощь.

— Насколько близко?

— В городе.

— Не в соседнем кафе?

— Нет.

— Ирина не будет следить?

— Нет.

— Не будешь звонить каждые десять минут?

— Один раз в середине, если ты сам не сообщишь, что всё нормально.

— Не надо звонить.

— Тогда отправь сообщение через полтора часа.

— Отчёт.

— Подтверждение, что всё в порядке.

— Хорошо.

— Передача возле детского центра. Возвращение там же.

— Возле твоего дома.

— Нет.

— Почему?

— Ты знаешь адрес и уже направлял туда тётю Нину без согласования. Я не хочу встреч возле подъезда.

— Тогда зачем вообще адрес скрывала, если я знаю?

— Потому что не хотела незапланированных приездов.

— Я ни разу не приехал.

— Ты прислал коробку.

— Нина отвезла.

— По твоему адресу.

— И что случилось?

— Ты показал, что можешь появиться у двери через другого человека.

— Опять преследование придумала.

— Место передачи — детский центр.

— Хорошо.

Слишком легко.

Лина насторожилась.

— Когда?

— В субботу.

— В эту?

— Да.

— С двенадцати до трёх?

— С часу до четырёх.

— Почему?

— Утром реабилитация.

— Хорошо.

— Вещи соберёшь.

— Какие?

— Еда, одежда, подгузники.

— Соберу необходимое.

— Коляску.

— Да.

— Документы.

— Зачем?

— На случай врача.

- Дам копию полиса.
 - Оригинал свидетельства.
 - Нет.
 - Почему?
 - Для трёх часов он не нужен.
 - Ты боишься, что я украду документ?
 - Я не передаю оригиналы без необходимости.
 - Значит, не доверяешь.
 - Мы это уже установили.
- Его дыхание изменилось.
- Но спорить он не стал.
- Алкотестер привезёшь? — спросила Лина.
 - Я не пью.
 - Ты говорил.
 - После инсульта ни капли.
 - Хорошо. Тогда проверка не будет проблемой.
 - Не буду больше перед тобой дышать.
 - Почему?
 - Унижает.
 - Ты сам покупал прибор.
 - Тогда был идиотом.
 - Условие трезвости остаётся.
 - Я сказал, не пью.
 - А я прошу подтвердить.
 - У тебя есть основания считать, что пью?
 - У меня есть прежний опыт.

— После инсульта всё изменилось.

— Не всё.

Слова вышли тише.

Но Алексей слышал.

— Что не изменилось?

— Ты снова требуешь верить тебе на слово и называешь проверку унижением.

— А ты снова используешь старое, чтобы управлять настоящим.

— Если прошлое связано с безопасностью, я обязана учитывать.

— Тогда зачем вообще согласилась на три часа?

— Потому что хочу дать вам возможность общаться.

— «Дать».

Он поймал её слово.

Лина закрыла глаза.

— Хорошо. Потому что считаю важным ваше общение.

— Уже лучше.

— Алкотестер.

— Нет.

— Тогда я должна оценить состояние визуально.

— Оценивай.

— Если почувствую запах или увижу признаки употребления, встречи не будет.

— И потом напишешь, что я был пьяный.

— Напишу только то, что наблюдала.

— Ты можешь придумать запах.

— Тогда можешь привести свидетеля.

— Приведу.

— Кто будет с тобой три часа?

— Я и Юля.

— Свидетель только на передачу?

— Да.

— Кто?

— Не твоё дело.

— Если человек будет присутствовать рядом с ребёнком, моё.

— Вот теперь тебе важно, кто рядом?

— Мне всегда важно.

— Не похоже.

— Алексей.

— Что?

— Мы договорились о субботе с часу до четырёх возле детского центра. Ты гуляешь с Юлей в городе без поездок. Через полтора часа присылаешь сообщение. Возвращаешь в четыре. Перед встречей я оцениваю твоё состояние. Если трезвость вызывает сомнения, предлагаю алкотестер.

— Не предлагаешь. Встреча просто состоится.

— Нет.

— Значит, опять условия.

— Да.

— Тогда не называй это договорённостью.

— Любая договорённость состоит из условий.

— Нормальные родители просто передают ребёнка.

— Нормальные родители тоже согласовывают время, место и безопасность.

— Откуда ты знаешь, как нормальные?

Лина почувствовала удар.

Не прямой.

Точный.

Первый отец Павла.

Ложь.

Ставки.

Развод.

Теперь Алексей.

Он напоминал: у неё уже не получилось однажды.

Значит, проблема может быть в ней.

— Мы не будем это обсуждать, — сказала она.

— Почему? Неприятно?

— Потому что разговор о Юле.

— А Пашку ты тоже от отца увезла.

— Нет.

— Результат один. Он без отца.

— Его отец сделал свой выбор.

— Конечно. У тебя все мужчины делают неправильный выбор.

— Не переходи на Павла.

— Он сам лезет в наши отношения.

— Он ребёнок.

— Уже не маленький.

— Для тебя это ничего не меняет.

— Что именно?

— Ты и в семь лет требовал от него вести себя как взрослый.

— Я учил его быть мужиком.

— Не надо.

— А что? Правда не нравится?

— Время закончилось.

Прошло двадцать две минуты.

— Вот и убегаешь, — сказал Алексей.

— Мы согласовали встречу.

— Ничего мы не согласовали. Ты опять закончишь звонок и напишешь свою версию.

— Тогда давай подтвердим сейчас. Суббота, с часу до четырёх, детский центр, прогулка без поездок, сообщение в половине третьего, возвращение вовремя.

— Домой потом повезу.

— Нет.

— Не в эту субботу.

— Когда?

— В следующий раз.

— Мы этого не согласовывали.

— Вот в субботу и обсудим.

— Без Юли такие вопросы обсуждаем письменно или по

телефону.

— Почему?

— Потому что при передаче ребёнка не будет долгих споров.

— Боишься?

— Да.

Он замолчал.

Второй раз Лина произнесла это прямо.

Первый — в машине второго декабря.

Тогда признание заставило его открыть дверь.

Теперь между ними были километры.

Но ответ оставался тем же.

— После всего ещё боишься? — спросил Алексей.

— Да.

— Я еле хожу.

— Страх не только про физическую силу.

— А про что?

— Про то, что ты не принимаешь отказ.

— Я принимаю разумные слова.

— Только если согласен с ними.

— А ты иначе?

Вопрос был честным.

Лина задумалась.

— Я тоже не принимаю все твои предложения.

— Вот.

— Но я не считаю, что из-за этого имею право приходить к

тебе домой, требовать доступ или подключать других людей.

— Я не приходил.

— Адрес нашёл.

— Я отец.

— Адрес относится не только к Юле.

— Пока она живёт с тобой, относится и ко мне.

— Нет.

— Закон решит.

Впервые за разговор слово прозвучало не как дальняя возможность.

Как подготовленный следующий шаг.

— Ты уже обратился? — спросила Лина.

— Куда?

— В суд.

— Пока нет.

— К юристу?

Пауза.

— Консультировался.

— О чём?

— О своих правах.

— И что тебе сказали?

— Что ты не можешь запрещать мне ребёнка.

— Я не запрещаю.

— В суде расскажешь.

Красная линия двигалась.

Лина посмотрела на неё.

— Это угроза?

— Нет. Законный способ решить вопрос.

— Тогда почему звучит как наказание за несогласие?

— Потому что ты всего боишься.

— Ты используешь суд, чтобы заставить меня согласиться

до суда.

— Я предлагаю по-хорошему.

— По-хорошему — это твой вариант?

— По-хорошему — без чужих людей и расходов.

— Каких расходов?

— Адвокаты. Экспертизы. Всё это стоит денег.

— Какие экспертизы?

— Разные.

— Ребёнка?

— Если понадобится.

Юле было два года.

Она едва могла объяснить, что происходило вчера.

Слово «экспертиза» создало образ чужого кабинета, вопросов, незнакомых людей.

— Зачем ей экспертиза?

— Чтобы выяснить привязанность.

— К кому?

— К родителям.

— Она живёт со мной с рождения.

— Тем более. Может, ты её настроила.

— В два года?

— Дети чувствуют мать. Ты сама говорила.

Он запомнил.

Не смысл.

Формулировку, которую можно повернуть.

— Мы не будем обсуждать экспертизы без реального процесса, — сказала Лина.

— Будем, если не договоримся.

— Мы только что договорились о субботе.

— Это одна встреча. Я говорю о порядке.

— Предложи письменно.

— Уже предлагал.

— Одиннадцать часов дома — это не полный порядок.

— Тогда составлю полный.

— Хорошо.

— Ты его подпишешь?

— Сначала прочитаю.

— И начнёшь к каждому слову придирааться.

— Я буду оценивать условия.

— Вот поэтому с тобой невозможно.

— Тогда суд.

Теперь это слово произнесла она.

Не как вызов.

Как признание, что соглашение может не получиться.

Алексей замолчал.

— Думаешь, выиграешь? — спросил он.

— Я не хочу выигрывать у тебя ребёнка.

— А я хочу.

Лина замерла.

— Что?

Пауза.

— Я хочу выиграть право быть отцом.

Он исправил фразу.

Но первая уже осталась на записи.

— Ребёнок не приз, — сказала Лина.

— Опять слова.

— Они имеют значение.

— Для тебя всё имеет значение.

Та же фраза прозвучала когда-то в машине по дороге в загс.

О фамилии Павла.

О двух словах.

О том, кто имеет право решать.

Ничего не исчезло.

Только декорации изменились.

— Разговор закончен, — сказала Лина.

— Не клади трубку.

— Мы говорим двадцать семь минут вместо двадцати.

— Ещё минуту.

— Зачем?

— Скажи честно: ты вообще собираешься когда-нибудь давать мне Юлю домой?

— Если будет безопасно и если постепенное общение

пройдёт хорошо — готова обсуждать.

— Срок.

— Я не назову дату заранее.

— Значит, никогда.

— Нет.

— Значит, когда тебе захочется.

— Когда появятся основания доверять.

— А кто создаёт основания?

— Ты своими действиями.

— То есть я должен заслужить дочь.

— Нет. Ты должен показать, что способен безопасно о ней заботиться.

— Одно и то же.

— Нет.

— Для меня — да.

Лина закрыла глаза.

Вот оно.

Алексей слышал любое условие как лишение статуса.

Проверка навыков означала, что его не признают отцом.

Трезвость — что считают алкоголиком.

Постепенность — что унижают.

Нейтральная территория — что объявляют опасным.

Возврат вовремя — что ему не доверяют.

Он не мог выполнить условие просто как условие.

Сначала требовал отменить смысл, который сам в него вкладывал.

— В субботу встреча состоится? — спросила Лина.

— Состоится.

— Ты вернёшь Юлю в четыре?

— Верну.

— Не повезёшь на машине?

— Нет.

— Будешь трезв?

— Да.

— Отправишь сообщение в половине третьего?

— Если не забуду.

— Поставь напоминание.

— Не командуй.

— Тогда я напишу сама.

— Не надо названивать.

— Одно сообщение.

— Хорошо.

— Всё.

— Лина.

— Что?

Голос Алексея стал тише.

— Я после больницы многое понял.

Она ждала.

— Что именно?

— Что времени мало.

— Согласна.

— Я мог умереть, так и не забрав дочь домой.

Фраза ударила своей точностью.

Не «не увидев».

Не «не узнав».

Не «не побыв с ней».

Не забрав.

— Тебя это беспокоило в больнице? — спросила Лина.

— Да.

— Не то, что мало с ней общался?

— Это одно и то же.

— Нет.

— Для тебя.

— Для ребёнка тоже.

— Ты не можешь знать.

— И ты не можешь.

— Поэтому я и хочу время без тебя.

— Ты его получишь в субботу.

— Три часа.

— Да.

— А дальше?

— Посмотрим.

Он усмехнулся.

— Вот. Всё твоё настоящее слово.

— Какое?

— «Посмотрим».

— Потому что будущее зависит от того, что произойдёт.

— Нет. Потому что тебе нравится держать меня на крюч-

ке.

— На каком?

— На дочери.

Лина почувствовала холод.

Позже это слово станет другим.

Не крючок.

Рычаг.

Но смысл уже появился.

— Я не использую Юлю, чтобы влиять на тебя, — сказала она.

— Используешь.

— Как?

— Хочешь, чтобы я соглашался. Приезжал куда скажешь. Дышал в прибор. Отчитывался. Тогда выдашь ещё час.

— Это этапы безопасности.

— Называй как хочешь.

— А ты чего хочешь добиться через суд?

— Равных прав.

— Конкретно.

— Чтобы ты не могла говорить «нет» каждый раз, когда тебе что-то не нравится.

Слова прозвучали отчётливо.

Красная линия сохранила.

Суд был нужен не только ради времени с Юлей.

Он должен был лишить Лину возможности отказывать.

— Спасибо, — сказала она.

— За что?

— Ты ответил.

— Опять для записи?

— Да.

— Тогда запиши ещё.

Лина ждала.

— Если ты не согласишься нормально, я буду добиваться своего всеми законными способами.

— Какими?

— Узнаешь.

— Это угроза?

— Это предупреждение.

— В чём разница?

— Угроза — незаконная. А я всё сделаю по закону.

Он отключился.

Красная линия продолжала двигаться.

Лина не сразу остановила запись.

На ней осталось её дыхание.

Тихий звук двери.

Павел вошёл на кухню.

— Всё?

— Да.

— Он кричал?

— Нет.

— Угрожал?

Лина посмотрела на погасший экран.

— Сказал, что будет действовать по закону.

— Это угроза?

Тот же вопрос.

— Пока нет.

— А что?

— Направление.

Павел подошёл к столу.

Увидел открытую тетрадь.

— В субботу Юлю отдашь?

— На три часа.

— Одну?

— С ним.

— Он вернёт?

Лина вспомнила прямой ответ Алексея.

Верну.

— Обещал.

— Ты веришь?

Она не знала.

Но договорённость без минимального доверия была невозможна.

Если не сделать следующий шаг, постепенность превратится в бесконечную клетку уже для всех.

— Проверю, — сказала Лина.

— На Юле?

Вопрос снова попал точно.

— Да.

Павел опустил глаза.

— Это страшно.

— Очень.

— Тогда зачем?

— Потому что он её отец.

— На словах?

— Уже не только. Он встречался с ней. Учился ухаживать.

Вернул после прогулки вовремя.

— До инсульта.

— Да.

— А сейчас другой?

— Не знаю.

Павел посмотрел на диктофон.

Красная линия остановилась.

— Он сказал что-то важное?

— Много.

— Что самое?

Лина перелистнула записи.

Одиннадцать часов.

Дом.

Водитель.

Правая рука.

Половина времени.

Экспертиза.

Суд.

Законные способы.

Но главной была другая фраза.

Она произнесла её вслух:

— Он хочет, чтобы я больше не могла говорить «нет».

Павел задумался.

— Суд может запретить тебе говорить «нет»?

— Может установить порядок, который мы оба должны выполнять.

— Даже если страшно?

— Страх сам по себе не всегда меняет решение.

— А что меняет?

— Факты.

— Поэтому ты записываешь.

— Да.

— А если факты случатся потом?

Лина посмотрела на него.

— Тогда придётся реагировать потом.

— На Юле.

— Да.

Он сел за стол.

— Мне не нравится закон.

— Закон ещё ничего не решил.

— Но Алексей уже говорит им, как будто это человек на его стороне.

Лина закрыла тетрадь.

Для Павла закон стал новым участником семьи.

Невидимым взрослым, которого Алексей обещал приве-

сти, если Лина не согласится.

— Закон не на его стороне и не на моей, — сказала она.
— По крайней мере, не должен быть.

— А на чьей?

— На стороне ребёнка.

— А кто спросит Юлю?

Из комнаты донёсся смех.

Юля разговаривала с игрушками.

Повторяла:

— Па-па. Ма-ма. Дай.

Три слова.

Два человека.

Одно требование.

Она ещё не могла объяснить, где ей безопасно.

Не могла рассказать, как проходит день.

Не знала слова «суд».

Но именно её мнение будут искать во взгляде, плаче, привязанности и реакции на взрослых.

Каждый истолкует по-своему.

— Пока за неё будут говорить другие, — ответила Лина.

— Ты и Алексей?

— Да.

— Он громче.

— Поэтому у меня есть запись.

Павел посмотрел на устройство.

— Запись тоже не говорит за Юлю.

— Нет.

— Тогда кто?

Лина не ответила.

После того как дети уснули, она прослушала разговор.
Не весь.

Только отмеченные места.

Я хочу нормально видеть дочь.

Для начала с утра до вечера.

Я отец независимо от звонков.

Даёшь встречи, не ребёнка.

Половину времени.

Будем, если не договоримся.

Экспертизы. Всё это стоит денег.

Я хочу выиграть.

Пауза.

Я хочу выиграть право быть отцом.

И главное:

Чтобы ты не могла говорить «нет» каждый раз, когда тебе что-то не нравится.

Лина выписала фразы дословно.

Не толковала.

Не ставила диагноз.

Не добавляла слова «давление» и «преследование».

Потом открыла переписку.

Написала:

Подтверждаю договорённость на 22 марта: передача Юли в 13:00 возле детского центра, возвращение туда же в 16:00. Общение проходит в городе, без поездок на автомобиле. В 14:30 прошу сообщить, что всё в порядке. При передаче оба родителя вправе убедиться, что состояние другого позволяет безопасно находиться с ребёнком.

Отправила.

Алексей прочитал через две минуты.

Ответил:

ПОДТВЕРЖДАЮ.

Без оговорок.

Без заглавного обвинения.

Одно слово.

Лина должна была почувствовать облегчение.

Но смотрела на него и видела не согласие.

Первую подпись под новым порядком, которого ещё не существовало.

Следующее сообщение пришло через минуту:

И ГОТОВЬСЯ ОБСУЖДАТЬ НОРМАЛЬНЫЙ ГРАФИК. ТРИ ЧАСА — ЭТО ПОСЛЕДНИЙ РАЗ.

Она сделала снимок экрана.

Не ответила.

За окном таял снег.

Вода стекала по стеклу тонкими линиями.

Похожими на следы дождя.

Или на дорожки, которые кто-то чертил к их дому.

Алексей долго молчал.

Теперь вернулся с новым языком.

Не «вернись».

Не «ты моя жена».

Не «я всё равно найду».

Теперь:

график;

равные права;

экспертиза;

суд;

законные способы.

Слова стали официальнее.

Но цель оставалась прежней.

Сделать так, чтобы её отказ больше ничего не решал.

Лина убрала запись в отдельную папку.

Назвала её:

19.03.2025

Рядом уже лежала:

02.12.2024

Между двумя файлами прошло три с половиной месяца.

Во втором декабря Алексей обещал найти.

Девятнадцатого марта объяснил, зачем.

Чтобы однажды её «нет» перестало быть дверью.

Глава 12. После болезни

В субботу Алексей приехал за Юлей на двадцать минут раньше.

Лина увидела его из окна детского центра.

Серая машина остановилась на парковке. За рулём сидел Сергей.

Алексей вышел с пассажирской стороны.

Медленно.

Сначала поставил на асфальт трость.

Потом перенёс правую ногу.

Закрыв дверь левой рукой.

Правая оставалась прижата к телу, но уже не висела неподвижно. Пальцы немного сгибались.

Он был без шапки.

В новой тёмной куртке.

Постриженный.

Собранный.

Если не знать об инсульте, можно было принять осторожную походку за последствие травмы.

Лина посмотрела на часы.

12:40.

До передачи оставалось двадцать минут.

Она приехала заранее, чтобы Юля привыкла к месту и не переходила из машины сразу в чужие руки.

Теперь раннее появление Алексея превратило её подготовку в ожидание под наблюдением.

— Он уже здесь? — спросил Павел.

Лина обернулась.

Сын стоял возле автомата с напитками.

Она не собиралась брать его на передачу. Но Павел настоял.

— Я хочу увидеть, что он её вернул, — сказал утром.

— Возвращение будет через три часа.

— Подожду с тобой.

— Это долго.

— Возьму планшет.

Теперь он смотрел через стекло на серую машину.

— Да, — ответила Лина. — Приехал раньше.

— Это хорошо?

— Не знаю.

Павел нахмурился.

— Ты про всё так говоришь.

— Потому что одно и то же действие может означать разное.

— А если он просто не хотел опоздать?

— Тогда хорошо.

Сергей обошёл машину.

Открыл багажник.

Достал складную прогулочную коляску.

Новую.

Красную.

Поставил рядом с Алексеем.

Они что-то обсуждали.

Потом Алексей посмотрел на окна центра.

Не мог видеть Лину за отражением.

Но она всё равно отступила.

— Он знает, что ты внутри, — сказал Павел.

— Мы договорились встретиться у входа.

— Тогда почему не выходит?

Лина снова посмотрела на часы.

12:44.

— Ждёт время.

— Как ты раньше ждала звонок?

Возможно.

Или хочет, чтобы камера на входе зафиксировала его ожидание.

Или разговаривает с Сергеем.

Или отдыхает после дороги.

Лина заставила себя перестать угадывать.

— До часу ещё есть время, — сказала она.

В 12:57 Алексей подошёл к двери.

Сергей катил коляску.

Лина вывела Юлю.

На девочке был светлый комбинезон и розовая шапка. На

спине — маленький рюкзак с запасной одеждой.

Отдельно Лина несла сумку:

подгузники;

влажные салфетки;

вода;

две банки пюре;

ложка;

печенье;

копия полиса;

заряженный телефон с записанным номером матери.

— Зачем столько? — спросил Алексей.

— На три часа.

— Мы не в тайгу.

— Здесь необходимое.

Он посмотрел на Павла.

— А ты зачем?

— С мамой.

— Контроль усилили?

Павел промолчал.

Лина передала сумку Сергею.

— Здесь еда и одежда.

— Я сам возьму, — сказал Алексей.

Попытался подхватить правой рукой.

Пальцы не удержали ремень.

Сумка соскользнула.

Сергей поймал.

Все трое замерли.

— Крючок неудобный, — сказал Алексей.

— Я понесу, — ответил Сергей.

— Не надо.

— Лёх, нормально.

Он перекинул сумку через плечо.

Алексей ничего не сказал.

Посмотрел на Лину, ожидая реакции.

Она не предложила помощь.

Не спросила о руке.

Не сделала вид, что не заметила.

Просто продолжила:

— Юля ела в одиннадцать. Около двух можно дать пюре или печенье. Воду предлагать чаще.

— Я знаю.

— Сменная одежда в нижнем отделении.

— Знаю.

— Если устанет, можно уложить в коляске.

— Лина.

— Что?

— Мы всё обсуждали.

— Я передаю информацию на сегодня.

— В папке инструкция есть?

— Нет.

— Странно.

Сергей отвёл взгляд.

Павел сжал губы.

Лина не ответила на насмешку.

— В половине третьего напиши, что всё в порядке.

— Помню.

— Возвращение в четыре сюда.

— Помню.

— Без поездок.

Алексей повернулся к машине.

— Сергей как приехал, так и уедет.

— Вы будете в центре и парке?

— Да.

— Хорошо.

Она присела перед Юлей.

— Ты погуляешь с папой и вернёшься к маме.

Дочь смотрела на Алексея.

Не пряталась.

Но и не тянулась.

— Папа, — сказала Лина.

— Па, — повторила Юля.

Алексей улыбнулся.

Протянул левую руку.

— Пойдём?

Юля взяла его за два пальца.

Лина почувствовала, как внутри всё сжалось.

Рядом находилась красная коляска.

Сергей.

Камеры центра.

Люди.

Договорённость в переписке.

Но на несколько секунд всё исчезло.

Осталась маленькая рука, уходящая из её руки в чужую.

Не чужую.

Отцовскую.

И именно поэтому страшную по-другому.

— Увидимся в четыре, — сказала Лина.

— В четыре, — подтвердил Алексей.

Он повёл Юлю к коляске.

Шёл медленно.

Трость в правой руке.

Левой держал дочь.

Сергей шагал рядом, готовый подхватить.

До коляски было пять метров.

Лина не вмешивалась.

Юля несколько раз оглянулась.

Потом позволила посадить себя.

Алексей застегнул ремни левой рукой.

Получилось не сразу.

Сергей хотел помочь.

— Сам, — сказал Алексей.

Поправил застёжку.

Проверил.

— Видишь? — крикнул Лине.

Она не поняла, вопрос это или доказательство.

Кивнула.

Алексей развернул коляску.

Сергей направился к машине.

— Ты куда? — спросила Лина.

— Уезжаю, — ответил он.

— Точно?

— Как договаривались.

Он сел за руль.

Серая машина покинула парковку.

Алексей остался с Юлей.

Без транспорта.

Без помощника.

Лина должна была почувствовать облегчение.

Но теперь рядом с ребёнком был человек, который минуту назад не удержал сумку.

— Мам, — тихо сказал Павел. — Он коляску одной рукой повезёт?

Алексей уже катил её к парку.

Трость держал вместе с ручкой.

Правая нога двигалась медленнее.

Коляска слегка уходила в сторону.

Он останавливался.

Поправлял.

Шёл дальше.

— Справится, — сказала Лина.

— Откуда знаешь?

— Не знаю.

И снова это слово.

Но теперь ребёнок уже удалялся.

Проверка началась.

Лина и Павел сели в кафе.

Она выбрала стол не у окна.

Специально.

Чтобы не искать красную коляску между деревьями.

Павел включил планшет.

Поставил наушники.

Но каждые несколько минут смотрел на мать.

— Ты можешь заниматься своими делами, — сказала Лина.

— А ты?

— Тоже.

Она открыла рабочую почту.

Прочитала одно письмо.

Вернулась к первой строке.

Прочитала снова.

Смысл не удерживался.

Телефон лежал экраном вверх.

13:08.

13:17.

13:26.

Никаких сообщений.

И не должно быть.

Они договорились на половину третьего.

Но тишина теперь измерялась не месяцами.

Минутами.

В 13:32 Лина открыла переписку.

Последним стояло:

ПОДТВЕРЖДАЮ.

Потом:

ТРИ ЧАСА — ЭТО ПОСЛЕДНИЙ РАЗ.

Она закрыла.

— Не пиши, — сказал Павел, не снимая наушников.

— Я и не пишу.

— Ты уже открыла.

— Проверила время.

— На телефоне сверху есть часы.

Она посмотрела на сына.

— Следишь за мной?

— Ты громко дышишь.

Лина убрала телефон в сумку.

— Всё.

— Что?

— Не проверяю до половины третьего.

— А если он сам напишет?

— Услышу.

Павел вернулся к экрану.

Прошло четыре минуты.

Телефон завибрировал.

Лина достала так быстро, что задела чашку.

На стол пролился чай.

Сообщение от банка.

Павел снял один наушник.

— Не он?

— Нет.

— Вытри потом.

Фраза отозвалась воспоминанием.

Когда-то Павел спрашивал разрешение оставить каплю
молока на столе.

Теперь сам напоминал ей, что не всё требует немедленно-
го исправления.

Лина поставила чашку дальше от края.

Не стала вытирать сразу.

В 13:51 позвонил Алексей.

Не написал.

Позвонил.

Лина ответила.

— Что случилось?

— Ничего.

На заднем плане плакала Юлия.

— Почему она плачет?

— Упала.

Лина вскочила.

— Как?

— Ногами шла. Споткнулась.

— Где ударилась?

— Колено.

— Головой?

— Нет.

— Точно?

— Я рядом был.

Юля плакала громко.

Не от лёгкой обиды.

Захлёбывалась.

— Покажи по видео.

— Зачем?

— Я хочу увидеть.

— Обычное колено.

— Алексей, включи видео.

Связь переключилась.

Сначала экран показал землю.

Потом красную коляску.

Лицо Алексея.

Он выглядел раздражённым.

Повернул камеру к Юле.

Девочка сидела на лавке.

На правом колене комбинезона была грязь.

Шапка съехала.

Слёз на лице много.

Но крови не видно.

— Юля, — сказала Лина. — Мама здесь.

Дочь потянулась к телефону.

— Ма-ма!

— Покажи голову сбоку.

— Я сказал, не ударились.

— Покажи.

Алексей повернул камеру.

На виске чисто.

На лбу тоже.

— Теперь довольна?

— Почему она так плачет?

— Потому что ты появилась.

Лина замолчала.

Юля действительно заплакала сильнее, услышав мать.

— Возьми её на руки, — сказала Лина.

— Я держал. Вырывается.

— Ей страшно.

— И что делать?

— Прижми спокойно. Не говори резко.

— Я нормально говорю.

— Сейчас — да.

Он поставил телефон так, чтобы камера снимала лавку.

Попытался поднять Юлю левой рукой.

Правой поддержал под спину.

Рука не выдержала вес.

На секунду тело ребёнка наклонилось.

Лина вскрикнула:

— Осторожно!

Алексей прижал дочь к груди.

— Нормально!

Юля испугалась крика.

Заплакала ещё громче.

— Не кричи, — сказала Лина.

— Ты сама заорала.

— Потому что она чуть не упала.

— Не упала же.

Снова.

Не умер.

Не упала.

Вернул.

Открыл.

Последствие не наступило — значит, риск можно отрицать.

— Где вы? — спросила Лина.

— В парке.

— У какого входа?

— Там, где встречались.

— Я иду.

— Не надо.

— Юля не успокаивается.

— Я сам.

— Ты позвонил мне.

— Чтобы сообщить.

— Тогда зачем видео включил?

— Ты потребовала.

— Я подойду.

— Нет.

Голос Алексея стал жёстким.

Юля снова вздрогнула.

— Ты обещала не вмешиваться.

— Я обещала не присутствовать. Но ты сообщил о падении, ребёнок плачет, поднять её тебе трудно.

— Мне не трудно.

— Я видела.

— Тебе показалось.

— Алексей...

— Не приходи. Я успокою.

— Если через десять минут она не успокоится, встречу закончим.

— Ты опять ставишь условие.

— Да.

— Тогда вообще не надо было отдавать.

— Сейчас не об этом.

— Именно об этом.

Он отключил видеосвязь.

Лина смотрела на погасший экран.

— Что? — спросил Павел.

Он уже стоял рядом.

— Юля упала.

— Сильно?

— Похоже, нет.

— Почему тогда плачет?

— Испугалась.

— Ты пойдёшь?

— Он сказал не приходить.

— А ты его слушаешь?

Вопрос был резким.

— Я дала ему возможность справиться.

— А если не справится?

— Тогда заберу.

— Как узнаешь?

Лина посмотрела на телефон.

Точно.

Если Алексей больше не ответит, она не узнает.

— Через десять минут позвоню.

— А если не возьмёт?

— Пойду в парк.

Павел начал собирать вещи.

— Ты остаёшься здесь.

— Нет.

— Паша.

— Я тоже иду.

— Зачем?

— Помогу нести Юлю.

Фраза ударила.

Ребёнок готовился компенсировать слабость взрослого мужчины.

— Ты не обязан.

— А ты одна сможешь?

— Смогу.

— А если Алексей не отдаст?

Лина не ответила.

Павел сунул планшет в рюкзак.

— Я иду.

Через семь минут пришло видео.

Юля сидела в коляске.

Не плакала.

Держала печенье.

Алексей находился рядом.

— Всё нормально, — сказал он. — Успокоилась.

— Юля, как ты?

Дочь посмотрела на экран.

— Ма.

— Колено болит?

Она не понимала вопрос.

Показала печенье.

— Ням.

— Видишь? — сказал Алексей. — Всё.

Лина почувствовала, как тело постепенно отпускает.

— Хорошо.

— Не надо никуда идти.

— Мы остаёмся в кафе.

— Вот и оставайтесь.

— В половине третьего напиши.

— Я уже сообщил.

— Тогда следующее сообщение не нужно.

— Наконец-то.

Он отключился.

Павел не сел.

— Она правда нормально?

— Да.

— Покажи.

Лина включила сохранённое видео.

Он посмотрел.

— Шапка кривая.

— Это не опасно.

— А колено?

— Грязное. Дома осмотрим.

— Он её уронил?

— Она сама споткнулась.

— Откуда знаешь?

— Он сказал.

Павел нахмурился.

— Значит, не знаешь.

— На видео не было признаков другого.

— Но не видела.

— Нет.

Ещё один факт, который существовал только со слов Алексея.

Лина могла поверить.

Или превратить обычное детское падение в расследование.

Если не доверять ни одному слову, постепенность теряла смысл.

— Дети падают, — сказала она.

— Знаю.

— Это могло случиться и со мной.

— Знаю.

— Тогда садись.

Павел вернулся за стол.

Но рюкзак не распаковал.

В 14:37 Алексей прислал фотографию.

Юля стояла возле низкой горки.

Держалась за поручень.

Улыбалась.

Подпись:

БЕЗ МАМЫ ТОЖЕ МОЖЕТ.

Лина почувствовала укол.

Не «всё хорошо».

Не «играем».

Сравнение.

Доказательство ненужности матери.

Она не ответила.

Сохранила фотографию.

Потом заставила себя посмотреть иначе.

Юля улыбалась.

Ребёнок был в порядке.

Именно этого Лина хотела.

Её безопасность не должна была зависеть от постоянного присутствия матери.

Связь с отцом не являлась поражением.

— Что прислал? — спросил Павел.

Она показала.

— Юля улыбается.

— Да.

— А почему написал так?

— Хочет доказать, что справляется.

— Доказал?

Лина посмотрела на грязное колено.

На руку Юли, крепко сжавшую поручень.

На Алексея, который не попал в кадр.

— Частично.

В 15:40 Лина с Павлом вышли к детскому центру.

Она не хотела опаздывать ни на минуту.

На месте их ещё не было.

15:50.

15:55.

В 16:00 красной коляски не видно.

Лина написала:

Мы у входа. Где вы?

Сообщение доставлено.

Не прочитано.

16:03.

Она позвонила.

Алексей не ответил.

16:05.

Снова.

Без ответа.

Павел ходил вдоль стены.

— Он не вернёт.

— Вернёт.

— Откуда знаешь?

— Обещал.

— Он много обещал.

16:07.

Лина позвонила Сергею.

— Ты с ним?

— Нет. Я дома.

— Он должен был вернуть Юлю в четыре. Его нет.

— Может, задержался.

— Не отвечает.

— В парк сходи.

— Мы договорились здесь.

— Лин, семь минут.

— Да.

Семь минут.

Мало.

Но договорённость существовала именно для того, чтобы не считать, сколько опоздания допустимо.

— Позвони ему, — попросила она.

— Хорошо.

16:09.

Телефон Алексея появился в сети.

Сообщение прочитано.

Ответ:

ИДЁМ.

16:12.

Красная коляска показалась у поворота.

Алексей шёл медленно.

Трость зацепилась за край дорожки.

Он остановился.

Поправил.

Продолжил.

Юля сидела спокойно.

Лина пошла навстречу.

Павел рядом.

— Почему не отвечал? — спросила она.

— Телефон в сумке.

— Ты опоздал.

— На двенадцать минут.

— Мы договаривались на четыре.

— Юля не хотела уходить.

— Ей два года. Время контролируешь ты.

— Парк большой.

— Можно было выйти раньше.

— Я после инсульта. Быстро ходить не могу.

Фраза остановила Лину.

Вот он.

Новый аргумент.

Не придуманный.

Физически правдивый.

Он действительно шёл медленнее.

Мог ошибиться в расчёте времени.

Но заранее знал о своей скорости.

— Тогда нужно было планировать маршрут короче, —

сказала она.

— В следующий раз.

— И отвечать на телефон.

— Я не слышал.

— Поставь громче.

— Не учи.

Алексей остановил коляску.

Начал расстёгивать ремни.

Юля увидела мать.

— Ма-ма!

Протянула руки.

Лина подняла.

Осмотрела лицо.

Голову.

Руки.

— Что ты делаешь? — спросил Алексей.

— Проверяю после падения.

— Я сказал, всё нормально.

— Хочу убедиться сама.

— Значит, не веришь.

— Да.

— И зачем тогда отдала?

— Чтобы доверие могло появиться.

— После трёх часов всё ещё нет?

— Ты опоздал и не отвечал.

— На двенадцать минут.

— В первый раз после долгого перерыва.

— Специально стояла с секундомером?

— На телефоне есть время.

— Ничего не меняется.

— Что именно?

— Я три часа один был с ребёнком. Кормил. Играл. Успокоил после падения. Вернул. А ты нашла двенадцать минут.

— Я вижу и остальное.

— Не похоже.

Лина прижала Юлю к себе.

— Спасибо, что позвонил после падения.

— Я обязан был сообщить.

— Да. И ты сообщил.

— Спасибо, разрешила выполнить обязанность.

— Алексей.

— Что?

— Не превращай каждую фразу в спор.

— Это я превращаю?

Сергей подъехал к парковке.

Вышел из машины.

— Всё нормально?

— Нормально, — ответил Алексей. — Ребёнка вернул.

Опоздал на двенадцать минут. Сейчас акт составят.

Лина посмотрела на него.

— Я ничего не составляю.

— В тетрадь запишешь.

— Запишу факты.

— Вот.

— Ты сам приносил акт заранее.

— Потому что знал, с кем имею дело.

Сергей открыл багажник.

Начал складывать коляску.

— Лёх, поехали, — сказал он.

— Подожди.

Алексей повернулся к Лине.

— Следующая встреча — полный день.

— Нет.

— Почему?

— Мы только что провели первые три часа после перерыва.

— Успешно.

— В целом — да.

Он замер.

Похоже, не ожидал признания.

— Тогда что не так?

— Нужно ещё несколько раз по три-четыре часа. И без опозданий.

— Опять новые этапы.

— Я не обещала после одной встречи полный день.

— Ты сказала «посмотрим».

— Посмотрела.

— И?

— Юля провела с тобой три часа. Ты справился с едой,

прогулкой и плачем. Но тебе физически трудно одновременно управлять коляской, тростью и ребёнком. Она упала. Ты не рассчитал время возвращения.

— Дети падают.

— Да.

— Все опаздывают.

— Да.

— Значит, это не причины.

— Каждое отдельно — нет. Вместе показывают, что одиннадцатый час пока много.

— Я был после болезни.

— Ты и сейчас после болезни.

Он посмотрел на Сергея.

Потом снова на Лину.

— Ты специально делаешь из меня инвалида.

— Нет.

— Тогда не упоминай руку и трость.

— Но они существуют.

— Врач сказал разрабатывать.

— Разрабатывай.

— С ребёнком тоже.

Лина не сразу поняла.

— Что?

— Юля заставляет двигаться. Это полезно.

— Она не средство реабилитации.

— Я не это имел в виду.

— Но сказал.

— Ты опять цепляешься.

Юля начала крутиться на руках.

Потянулась к Павлу.

Он взял сестру.

Теперь мальчик держал её.

Алексей увидел.

— Вот. Ему можно.

— Что можно?

— Брать Юлю. А мне нельзя.

— Я тебе её передала на три часа.

— Но сейчас отдала Пашке.

— Она сама потянулась.

— Потому что ты её так приучила.

Павел отступил.

— Я могу поставить её, — сказал он.

— Не надо, — ответила Лина.

— Видишь? — продолжил Алексей. — Даже он уже решает.

— Паша помогает сестре.

— Всю жизнь между нами.

— Хватит.

— Я правду говорю.

— Не при детях.

— А когда? Ты по телефону кладёшь трубку. На встречах «не при ребёнке». Письменно цепляешься к словам.

- Предложи отдельное время.
- Предлагал второго декабря.
- В машине.
- Теперь всё машина виновата.
- Нет. Твоё поведение.

Сергей снова вмешался:

- Лёх, ребёнок устал. Поехали.
- Алексей тяжело опёрся на трость.
- В следующую субботу забираю с десяти до шести.
 - Нет.
 - Четыре часа.
 - Можно обсудить четыре.
 - С часу до пяти?
 - Да.
 - Опять в городе?
 - Да.
 - Потом домой.
 - Потом обсудим следующий этап.

Он усмехнулся.

- Ты всё поняла из разговора девятнадцатого.
- Что именно?
- Что я не отступлю.
- Это не делает твой вариант безопаснее.
- Увидим.

Алексей сел в машину.

Сергей закрыл багажник.

Перед тем как сесть за руль, тихо сказал Лине:

— Он правда устал. Парк большой.

— Можно было предупредить.

— Согласен.

— Тогда скажи ему.

— Сказал бы сама.

— Я сказала.

Сергей посмотрел на закрытую дверь машины.

— От тебя он слышит только отказ.

— А от тебя?

— Иногда слышит.

— Тогда передай: болезнь не освобождает от договорённостей.

— Жёстко.

— Правдиво.

— Он после инсульта.

— Я знаю.

— Мог вообще не вернуться.

— Знаю.

— Поэтому торопится.

Лина посмотрела на Алексея.

Он сидел на пассажирском месте.

Правой рукой пытался пристегнуть ремень.

Не получалось.

Сергей подошёл.

Помог.

— Куда? — спросила Лина.

— Что?

— Куда он торопится?

— Быть отцом.

— Или получить всё время сразу?

Сергей не ответил.

Сел за руль.

Машина уехала.

Дома Лина сняла с Юли комбинезон.

На правом колене кожа была красной.

Небольшая ссадина.

Без крови.

Без отёка.

На локте — ещё одно пятно.

— Это откуда? — спросила она.

Юля не могла объяснить.

Показала на пол.

— Бах.

— Упала?

— Бах.

— Один раз?

Дочь подняла один палец.

Потом два.

Это могло ничего не значить.

— Не допрашивай её, — сказал Павел.

— Я не допрашиваю.

— Ты спрашиваешь одно и то же.

— Хочу понять.

— Она скажет что угодно.

Лина остановилась.

И снова ребёнок оказался прав.

В два года вопрос легко создавал ответ.

— Хорошо.

Она обработала ссадину.

Юля возмущалась.

Потом побежала за игрушкой.

Не хромала.

Не плакала.

Физически всё было нормально.

Лина открыла сумку, которую вернул Алексей.

Одна банка пюре пустая.

Вторая не открыта.

Воды осталось немного.

Использовано два подгузника.

Запасная одежда чистая.

Телефон лежал на месте.

Копия полиса тоже.

В боковом кармане появился сложенный лист.

Лина достала.

На нём рукой Алексея было написано:

ЮЛЯ:

13:20 — печенье, вода.

13:45 — падение, правое колено, обработано салфеткой.

14:10 — пюре.

14:40 — подгузник.

15:05 — уснула на 20 минут.

Ниже:

СОСТОЯНИЕ ХОРОШЕЕ.

Он вёл записи.

Сам.

Не потому, что Лина потребовала.

Возможно, чтобы доказать.

Возможно, из заботы.

Мотив нельзя было определить по листу.

Но действия были правильными.

— Смотри, — сказала она Павлу.

Он прочитал.

— Значит, всё записал.

— Да.

— Это хорошо?

— Да.

— Тогда почему грустная?

Лина сложила лист.

— Потому что хорошее не отменяет тревожное.

— А тревожное не отменяет хорошее?

— Тоже.

— Сложно.

— Очень.

Она положила лист в синюю тетрадь.

Рядом с записью об опоздании.

Оба факта.

Ни один не должен был исчезнуть.

Вечером Алексей прислал длинное сообщение:

**СЕГОДНЯ Я ТРИ ЧАСА САМОСТОЯТЕЛЬНО
НАХОДИЛСЯ С ДОЧЕРЬЮ. РЕБЁНОК БЫЛ НА-
КОРМЛЕН, ПЕРЕОДЕТ, ГУЛЯЛ И СПАЛ. НИКА-
КИХ ПРОБЛЕМ НЕ ВОЗНИКЛО. НЕБОЛЬШОЕ ПА-
ДЕНИЕ ЯВЛЯЕТСЯ ОБЫЧНЫМ ДЛЯ РЕБЁНКА ЕЁ
ВОЗРАСТА. Я СВОЕВРЕМЕННО СООБЩИЛ МА-
ТЕРИ. СЧИТАЮ ДАЛЬНЕЙШИЕ ОГРАНИЧЕНИЯ
НЕОБОСНОВАННЫМИ.**

Лина прочитала.

Формулировка снова была предназначена не только ей.

Свидетельство.

Будущий документ.

Она ответила:

**Подтверждаю, что встреча состоялась. Ты обеспе-
чил питание, смену подгузника и прогулку, сообщил о
падении. Юля вернулась в удовлетворительном состо-**

нии. Возвращение состоялось в 16:12 вместо согласованных 16:00, при этом с 16:00 до 16:09 ты не отвечал на звонки. Предлагаю следующую встречу продолжительностью четыре часа.

Ответ:

ВОТ ПОЭТОМУ С ТОБОЙ НЕВОЗМОЖНО.

Почему?

Я НАПИСАЛ, ЧТО ВСЁ ПРОШЛО ХОРОШО. ТЫ НАШЛА ДВЕНАДЦАТЬ МИНУТ.

Я также перечислила, что прошло хорошо.

ПОСЛЕ «НО».

Лина перечитала своё сообщение.

Слова «но» там не было.

Алексей всё равно его слышал.

Любое замечание после похвалы становилось отменой всего хорошего.

Договорённости важны. Особенно при первой передаче после перерыва.

Я ПОСЛЕ ИНСУЛЬТА. ШЁЛ МЕДЛЕННО.

Я понимаю. В следующий раз учитывай это при выборе маршрута или предупреди о задержке.

НОРМАЛЬНАЯ ЖЕНЩИНА СПРОСИЛА БЫ, КАК Я СЕБЯ ЧУВСТВУЮ.

Лина остановилась.

Он снова соединял роли.

Если она мать Юли — должна контролировать время.

Если бывшая жена — обязана заботиться о его состоянии.

Если он опоздал из-за здоровья, вопрос договорённости превращался в вопрос бессердечия.

Она написала:

Как ты себя чувствуешь?

Ответ пришёл быстро:

УСТАЛ. НО РАД, ЧТО БЫЛ С ДОЧЕРЬЮ.

Тогда отдыхай. Следующую встречу обсудим завтра.

Я НЕ НУЖДАЮСЬ В ТВОЁМ РАЗРЕШЕНИИ ОТДЫХАТЬ.

Лина почти рассмеялась.

Не от веселья.

От безысходности языка.

Спросила — вмешивается.

Не спросила — бессердечная.

Предложила отдыхать — командует.

Промолчала бы — равнодушна.

Она не ответила.

Через несколько минут пришло:

ПОСЛЕ БОЛЕЗНИ Я ПОНЯЛ, ЧТО БОЛЬШЕ НЕ БУДУ ЖИТЬ ПО ЧУЖИМ УСЛОВИЯМ.

Лина смотрела на фразу.

Алексей называл чужими любые условия, которые не установил сам.

Даже взаимную договорённость о времени возвращения.

Это касается и договорённостей по Юле?

Он ответил:

Я БУДУ СОБЛЮДАТЬ ЗАКОН.

Не договорённость.

Закон.

Более высокая инстанция, которую он уже мысленно поставил между ними.

До судебного решения действуют наши письменные договорённости.

ТЫ НЕ СУД.

И ты не суд. Поэтому договариваемся.

НЕ ПОЛУЧАЕТСЯ.

Сегодня получилось.

Долгая пауза.

Потом:

СЕГОДНЯ Я ДОКАЗАЛ, ЧТО МОГУ БЫТЬ С ДОЧЕРЬЮ БЕЗ ТЕБЯ.

Лина написала:

Сегодня ты провёл с ней три часа. Это хороший шаг.

НЕ ШАГ. ДОКАЗАТЕЛЬСТВО.

Вот различие.

Для Лины встреча была частью процесса.

Для Алексея — экзаменом, сданным навсегда.

Один удачный день должен был отменить прошлое, болезнь, ограничения и необходимость постепенности.

Ноль на алкотестере доказывал постоянную трезвость.

Один подгузник — готовность к полному уходу.

Три часа — право на одиннадцать.

Возвращение с опозданием — всё равно возвращение.

— Мам, — позвал Павел из комнаты. — Ты обещала ма-

шинку приклеить.

— Мы уже приклеили.

— Второе колесо опять отвалилось.

Лина положила телефон.

Пошла к сыну.

Синяя машинка лежала на столе.

Колесо рядом.

— Клей плохой, — сказал Павел.

— Или держали мало.

— Пятнадцать минут.

— Значит, нужен другой способ.

— Новый клей?

— Возможно.

— А если опять отвалится?

— Тогда попробуем ещё.

Павел покрутил колесо.

— Алексей тоже думает, что после одного раза всё почи-
нилось?

Лина села рядом.

— Похоже.

— А ты думаешь, что нет?

— Я думаю, один хороший раз важен. Но он не доказывает всё будущее.

— Как колесо.

— Как колесо.

— Пока не поедет долго, не знаешь, держится или нет.

— Да.

Он положил деталь на стол.

— Тогда не будем сегодня клеить.

— Почему?

— Пусть полежит.

— Хорошо.

Они оставили машинку без колеса.

Не всё требовалось исправлять немедленно.

Ночью Лине приснилась больничная палата.

Алексей стоял возле окна.

Без трости.

Обе руки двигались.

На кровати лежал красный детский комбинезон.

— Я здоров, — сказал он.

— Хорошо.

— Значит, теперь всё можно.

— Что именно?

— Всё, что было нельзя из-за болезни.

— Не всё было из-за болезни.

— Тогда из-за чего?

Лина попыталась ответить.

Камеры.

Пиво.

Деньги.

Павел.

Закрытая дверь.

Погоня.

Но каждое слово исчезало, не успев прозвучать.

На мониторе за спиной Алексея шла зелёная линия.

Ровная.

Потом стала красной.

— Видишь? — спросил он. — Я пережил.

— Да.

— Значит, был прав.

— Одно не доказывает другое.

— Доказывает.

Он протянул ей медицинскую выписку.

Вместо диагноза на листе было написано:

ТЕПЕРЬ ТЫ ДОЛЖНА.

— Что?

— Компенсировать.

— Что именно?

— То, что я пропустил.

За окном появилась Юля.

Стояла одна в снегу.

Между ней и палатой была стеклянная дверь.

Алексей протянул руку.

— Открой.

— Она открывается изнутри.

— Тогда пусть откроет сама.

— Она маленькая.

— Значит, открой ты.

Лина подошла к двери.

На ручке висел алкотестер.

Экран показывал ноль.

Под ним лежал акт.

ОТКАЗ В ПЕРЕДАЧЕ.

— Если открою, ты вернёшь её?

— Я вернулся.

— Я спрашиваю про Юлю.

— А я про себя.

Девочка появилась рядом с Линой.

Не Юля из снега.

Другая.

Та, что приходила во сне раньше.

— Он думает, что болезнь обнулила прошлое, — сказала она.

— Разве человек не заслуживает второго шанса?

— Заслуживает.

— Тогда почему я боюсь?

— Потому что шанс и доверие — не одно и то же.

— Как отличить осторожность от наказания?

Девочка указала на красную линию.

— Смотри не на то, что он пережил.

— А на что?

— На то, что делает после.

Лина проснулась.

Утром от Алексея пришло новое сообщение:

СЛЕДУЮЩАЯ СУББОТА С 10:00 ДО 18:00. Я ЗАБЕРУ ЮЛЮ ДОМОЙ. СЕРГЕЙ БУДЕТ ЗА РУЛЁМ. НИНА БУДЕТ С НАМИ. ВСЕ УСЛОВИЯ БЕЗОПАСНОСТИ ВЫПОЛНЕНЫ. ЖДУ ПОДТВЕРЖДЕНИЯ.

Он учёл её вопросы.

Водитель.

Помощник.

Время.

Дом.

Словно заполнил недостающие графы.

Лина ответила:

Не согласна на поездку домой и восемь часов после одной встречи. Предлагаю четыре часа в городе, с 13:00 до 17:00.

Ответ:

ПРИЧИНА ОТКАЗА?

Постепенное восстановление контакта после дли-

тельного перерыва, твоё физическое состояние после инсульта и необходимость убедиться, что договорённости о времени соблюдаются.

Я ВЫПОЛНИЛ ВСЕ УСЛОВИЯ.

Ты вернул Юлю на двенадцать минут позже и не отвечал девять минут. При этом сама встреча в целом прошла хорошо. Поэтому предлагаю увеличить время до четырёх часов.

ТЫ ИСПОЛЬЗУЕШЬ БОЛЕЗНЬ ПРОТИВ МЕНЯ.

Нет. Я учитываю фактическое состояние.

ВРАЧ РАЗРЕШИЛ МНЕ ЖИТЬ НОРМАЛЬНО.

Есть письменное разрешение управлять автомобилем и самостоятельно ухаживать за маленьким ребёнком?

ТЫ НЕ ВРАЧ.

Именно поэтому спрашиваю о рекомендациях врача.

Пауза.

Затем:

ХОРОШО. БУДЕТ ПО-ДРУГОМУ.

Лина смотрела на экран.

Что значит «по-другому»?

Алексей не ответил.

Через час пришло уведомление с портала государственных услуг.

Новое обращение.

Неизвестный номер.

Неясное содержание.

Только строка:

Заявление зарегистрировано.

Лина открыла.

Документ был недоступен.

Заявитель не указан.

Но она уже знала.

После болезни Алексей действительно изменился.

Он перестал тратить силы на бесконечные объяснения.

Теперь каждый её отказ должен был получать не ответ.

Последствие.

Глава 13. Время отца

Уведомление относилось к обращению в орган опеки.

На следующий день Елена Викторовна позвонила сама.

— К нам поступило повторное заявление от отца Юли.

— О чём?

— О необоснованном ограничении времени общения после его выписки.

— Я передала ему ребёнка на три часа.

— Он это указывает.

— Тогда в чём ограничение?

— Считает предложенную продолжительность недостаточной и просит содействовать установлению расширенного порядка до обращения в суд.

Лина села за стол.

Перед ней лежала синяя тетрадь.

На новой странице ещё ничего не было.

— Какого порядка он хочет?

— Каждую среду с семнадцати до двадцати одного часа и каждую субботу с девяти до двадцати часов. По месту его проживания, с правом перевозить ребёнка.

— Одиннадцать часов в субботу.

— Да.

— И четыре в будний день.

— Да.

— Юля ходит в сад.

— В заявлении указано, что он готов забирать её оттуда.

Лина сжала ручку.

— Без моего присутствия?

— Да.

— Он после инсульта пока не водит машину.

— Указывает, что транспортировку обеспечит доверенное лицо.

— Сергей?

— Имя не указано.

— А если доверенное лицо поменяется?

— Это можно конкретизировать при согласовании.

— Я предлагала четыре часа в городе.

— Он считает встречи на нейтральной территории искусственным ограничением.

— Потому что хочет увозить домой.

— Именно так и написал.

Елена Викторовна говорила ровно.

Как будто за словами не стояла серая машина, ворота, камеры и дом, из которого Лина уехала ночью.

— Он приложил акт? — спросила Лина.

— Какой?

— Об отказе в передаче.

— Приложил письменную хронологию.

— Можно ознакомиться?

— На беседе.

— Что в ней?

— Даты обращений, звонков, встреч и отказов.

— Моих предложений там нет?

Пауза.

— Некоторые указаны.

— Какие?

— Я не буду пересказывать документ по телефону.

— Понимаю.

— Мы приглашаем вас обоих на пятницу.

— Вместе?

— Желательно.

Лина посмотрела на календарь.

Пятница.

До следующей согласованной встречи оставался день.

— Он подтвердил четыре часа в субботу?

— Это лучше уточнить у него.

— Я уточняла. Не отвечает.

— Тогда обсудим в пятницу.

— Елена Викторовна, я не запрещаю общение.

— Я помню.

— Он видел Юлю после выписки.

— Это будет учтено.

— Провёл с ней три часа.

— Да.

— Сам прекратил связь во время болезни.

— В заявлении он объясняет это состоянием здоровья и

восстановлением.

— Я не обвиняю его за отсутствие.

— Тогда в чём ваш вопрос?

Лина остановилась.

Действительно.

В чём?

Она не хотела наказывать Алексея за insult.

Не хотела превращать больницу в доказательство отсутствия.

Но он требовал компенсировать болезнь так, будто пропущенное время образовало долг матери.

— Он использует период, когда не мог общаться, как основание получить больше времени сразу, — сказала Лина.

— Это его позиция.

— А состояние ребёнка?

— Именно поэтому мы предлагаем обсудить постепенный порядок.

— Я уже предложила.

— Тогда представьте переписку.

— Хорошо.

Елена Викторовна помолчала.

— И ещё. Отец пишет, что вы связываете передачу ребёнка с медицинским освидетельствованием на алкоголь.

— Нет. Я прошу не употреблять перед встречами и предлагаю алкотестер только при сомнениях.

— Он считает это унижительным.

— А я считаю алкоголь риском.

— Есть документально подтверждённая зависимость?

— Нет.

— Случаи нахождения в состоянии опьянения при ребёнке зафиксированы?

— До разезда — нет официальной фиксации. Второго декабря он пил в машине и потом уехал.

— Это было без ребёнка.

— Но он требовал дать ему Юлю.

— Понимаю.

— После первой встречи пил на парковке.

— После завершения общения?

— Да.

— Значит, во время встречи был трезв.

— Алкотестер показал ноль.

— Это тоже важно указать.

Лина почувствовала раздражение.

— Я указываю.

— Хорошо. Тогда ваша позиция выглядит последовательной.

— А если я перестану требовать проверку, а он придёт после пива?

— Оценивайте конкретное состояние.

— По запаху?

— В том числе.

— Он скажет, что мне показалось.

— Тогда фиксируйте.

Снова.

Фиксируйте.

Как будто между ощущением опасности и защитой ребёнка всегда должно находиться устройство.

— Поняла, — сказала Лина.

— До пятницы.

Связь закончилась.

Красная линия на этот раз не двигалась.

Лина не записывала разговор.

Она сразу пожалела.

Не потому, что Елена Викторовна сказала что-то неправильное.

Потому что теперь точные формулировки останутся только в памяти.

Она открыла тетрадь.

Записала всё, что помнила.

Подчеркнула:

Время общения — 15 часов в неделю.

Потом посчитала.

Четыре часа в среду.

Одиннадцать в субботу.

Шестьдесят часов в месяц.

Для ребёнка, которого Алексей до ухода почти не укладывал спать.

Не купал.

Не водил к врачу.

Не забирал из сада.

Но цифра выглядела убедительно.

Шестьдесят часов отца.

А у матери — всё остальное.

Почему её время никто не считал?

Потому что оно не называлось правом.

Оно называлось обязанностью.

Вечером Алексей прислал таблицу.

Не сообщение.

Файл.

Лина открыла его на планшете.

Слева стояли даты.

Справа — столбцы:

ЗАПРОШЕННОЕ ВРЕМЯ.

ПРЕДОСТАВЛЕННОЕ ВРЕМЯ.

ОТКАЗ.

ПРИЧИНА СО СТОРОНЫ МАТЕРИ.

В таблицу вошли все дни после переезда.

Второе декабря.

Запрошено: полный день.

Предоставлено: ноль.

Причина: мать отказалась.

Первая встреча в детском центре.

Запрошено: два часа и поездка домой.

Предоставлено: двадцать семь минут под контролем матери.

Причина: мать прервала общение.

Несогласованный приезд к подъезду.

Запрошено: три часа.

Предоставлено: пять минут.

Причина: мать отказалась передать ребёнка.

Видеозвонки.

Запрошено: ежедневное общение.

Предоставлено: два раза в неделю по десять минут.

Причина: мать установила одностороннее ограничение.

Больница.

Запрошено: встреча с ребёнком без матери.

Предоставлено: две короткие встречи в присутствии матери.

Причина: мать использовала состояние здоровья отца.

Последняя прогулка.

Запрошено: одиннадцать часов.

Предоставлено: три часа.

Причина: мать ограничила без оснований.

В конце стояла сумма:

ЗАПРОШЕНО: 186 ЧАСОВ.

ПРЕДОСТАВЛЕНО: 12 ЧАСОВ 42 МИНУТЫ.

НЕ ПРЕДОСТАВЛЕНО: 173 ЧАСА 18 МИНУТ.

Лина смотрела на цифры.

Время превратилось в задолженность.

Как деньги.

Как перевод на стройку.

Как вклад в дом.

Теперь у неё был долг перед отцовством Алексея.

Сто семьдесят три часа восемнадцать минут.

В таблице не было:

его отказов от коротких встреч;

пропущенных видеозвонков;

месяцев молчания;

времени, когда он сам не спрашивал о Юле;

предложений Лины;

причин отказа в поездках;

алкоголя;

инсульта;

возраста ребёнка;

её плача;

его слов о том, что Юля останется у него.

Остались цифры.

Они выглядели объективно.

— Что это? — спросил Павел.

Лина вздрогнула.

Он стоял за спиной.

— Таблица встреч.

— Кто сделал?

— Алексей.

Павел прочитал последнюю строку.

— Ты должна ему сто семьдесят три часа?

— Нет.

— Тогда почему написано?

— Он считает, что просил больше, чем получил.

— А если попросить тысячу часов?

— Тогда разница станет ещё больше.

Павел задумался.

— Значит, можно просить специально много, чтобы потом написать большой долг?

Лина посмотрела на сына.

Именно.

Если Алексей просит одиннадцать часов, а получает три, Лина отказала в восьми.

Если просит три и получает три, отказа нет.

Размер препятствия зависел не от того, сколько времени ребёнку было безопасно провести с отцом.

От размера первоначального требования.

— Получается, да, — ответила она.

— Это нечестно.

— Таблица не обязана быть честной. Она показывает его позицию.

— А ты сделаешь свою?

— Придётся.

— Тоже с часами?

Лина посмотрела на столбцы.

Можно было создать зеркальный документ.

Предложено матерью.

Принято отцом.

Отклонено отцом.

Посчитать минуты пропущенных звонков.

Часы предложенных встреч, на которые он не пришёл.

Дни молчания.

Но тогда она примет его единицу измерения.

Начнёт доказывать, что отцовство и материнство можно свести к количеству времени.

— Не только, — сказала она. — Добавлю, что происходило.

— Тогда таблица станет большая.

— Да.

— Он её прочитает?

— Возможно, нет.

— Тогда зачем?

— Чтобы прочитали другие.

Павел посмотрел на файл.

— В третьем кружке.

— Что?

Он принёс старый рисунок с тремя кругами.

Что сказал Алексей.

Что сказала мама.

Что было.

— Для третьего, — объяснил он.

Лина положила лист рядом с планшетом.
В третьем круге пока не помещалось всё.
Но они могли хотя бы попробовать.

Она составила хронологию до двух часов ночи.
Не зеркальную таблицу.

Восемь столбцов:

Дата.

Запрос Алексея.

Предложение Лины.

Фактически состоявшееся общение.

Причина изменения.

Поведение ребёнка.

Подтверждение.

Примечание.

Второе декабря.

Запрос: забрать Юлю домой на день.

Предложение: обсуждать безопасный постепенный порядок.

Фактическое общение: видеозвонок ранее и разговор родителей без ребёнка.

Причина отказа в передаче: алкоголь в машине, отсутствие опыта самостоятельного ухода, слова о возможности не вернуть ребёнка.

Подтверждение: аудиозапись.

Первая встреча.

Запрос: увезти на два часа.

Предложение: один час в детском центре при матери.

Фактически: двадцать семь минут, отец ушёл самостоятельно после отказа в поездке.

Поведение Юли: испугалась резкого голоса, тянулась к матери.

Подтверждение: свидетель, запись, переписка.

Несогласованный приезд.

Запрос: забрать ребёнка немедленно.

Предложение: пообщаться возле дома и согласовать следующую встречу.

Фактически: около пяти минут; отец уехал после отказа в поездке.

Видеосвязь.

Запрос: ежедневно в 20:00.

Предложение: дважды в неделю в 18:30 с учётом режима сна.

Фактически: часть звонков состоялась, часть пропущена отцом.

Больница.

Запрос через тётю Нину: передать Юлю без матери.

Предложение: короткие встречи в присутствии Лины с учётом состояния отца и ребёнка.

Фактически: две встречи.

Последняя прогулка.

Запрос: одиннадцать часов дома.

Предложение: три часа в городе.

Фактически: три часа двенадцать минут.

Результат: ребёнок накормлен, переодет, вернулся в удовлетворительном состоянии; отец сообщил о падении; возврат позже согласованного времени, девять минут не отвечал.

Когда закончила, в документе было семь страниц.

В конце Лина не стала выводить сумму.

Ни часов.

Ни отказов.

Написала:

Мать не отказывает в общении отца с ребёнком.

Разногласия касаются продолжительности, места, перевозки и условий безопасности.

Прочитала.

Слишком официально.

Добавила:

Предлагаемый матерью порядок последовательно расширяется.

Сохранила.

Отправила Вере Андреевне.

Потом легла.

Но уснуть не смогла.

В голове продолжали складываться часы.

Сколько времени Алексей кормил Юлю.

Сколько держал на руках.

Сколько молчал.

Сколько требовал.

Сколько Лина объясняла.

Сколько ждала у закрытой двери.

Если посчитать всё, кто окажется должен?

На беседу в опеку Алексей принёс распечатанную таблицу.

Каждую страницу поместил в прозрачный файл.

Сверху лежала фотография Юли на горке.

Та самая:

Без мамы тоже может.

Надписи на фотографии не было.

Только улыбающийся ребёнок.

Лина принесла свою хронологию.

Елена Викторовна положила документы рядом.

Таблица Алексея — одна страница.

Хронология Лины — семь.

Простая версия всегда занимала меньше места.

— Я не хочу конфликтовать, — начал Алексей.

Лина посмотрела на него.

Белая рубашка.

Трость прислонена к стулу.

Правая рука лежит на колене.

На столе — ровные столбцы.

Он выглядел человеком, который пришёл решить вопрос мирно.

— Я перенёс второй инсульт, — продолжил он. — Мог умереть. После этого понял, что не хочу пропускать жизнь дочери. Но мне дают по часу, по три, как будто я посторонний.

— Вам предлагались регулярные встречи, — сказала Елена Викторовна.

— Под контролем матери.

— Последняя встреча прошла без неё.

— Три часа.

— Это было первое общение после длительного перерыва и вашей болезни.

— Перерыв не по моей воле.

Лина не выдержала:

— Ты сам отказался от видеосвязи и не запрашивал встреч.

— Я лежал после инсульта.

— После выписки тоже.

— Я восстанавливался.

— Я не обвиняю тебя. Но нельзя одновременно говорить, что не мог общаться из-за болезни, и обвинять меня, что я не предоставляла время.

Алексей повернулся к Елене Викторовне.

— Видите? Для неё моя болезнь — просто ещё один ар-

гумент.

— Я учитываю твоё состояние.

— Мне не нужно, чтобы ты его учитывала. Врач выписал.

— Выписка не означает полного восстановления.

— У неё теперь и медицинское образование.

Елена Викторовна остановила:

— Давайте без личных выпадов.

Она взяла таблицу.

— Здесь указано, что вы запрашивали сто восемьдесят шесть часов общения.

— Да.

— Каким образом рассчитана продолжительность?

— По моим сообщениям.

— Например, второго декабря указан полный день. Было согласование конкретной даты передачи?

— Я потребовал вернуть ребёнка домой.

— То есть это не был запрос на встречу в определённую дату?

Алексей нахмурился.

— Я говорил, что хочу дочь домой.

— Тогда почему вы считаете этот день как отказ в предоставлении времени?

— Потому что не дала.

— Но конкретная передача не была согласована.

— Она вообще ничего не хотела согласовывать.

Елена Викторовна посмотрела на Лину.

— Ваш вариант?

Она передала хронологию.

Сотрудница пролистнула.

— Подробно.

— Я хотела показать контекст каждого отказа и предложения.

— Семь страниц вместо одной, — сказал Алексей. — Чтобы запутать.

— Чтобы не превращать требования в долг часов.

— Это и есть долг.

Елена Викторовна подняла голову.

— Родительское общение не образует задолженность по времени, если порядок не установлен соглашением или решением суда.

— Но факт препятствования есть.

— Он оценивается не только по разнице между запрошенным и предоставленным.

Алексей замолчал.

Лина увидела, как пальцы левой руки сжались.

— Тогда что оценивается? — спросил он.

— Реальность предложений, возраст ребёнка, фактическая возможность встреч, причины отказов, поведение обоих родителей.

— Я готов хоть каждый день.

— Вы пропускали звонки и отменяли встречи.

— Из-за инсульта.

— Это уважительная причина. Но тогда нельзя записывать всё пропущенное время как отказ матери.

Лина посмотрела на Елену Викторовну.

Впервые официальное лицо произнесло именно то, что она пыталась объяснить.

Алексей откинулся на стуле.

— Хорошо. Уберу больницу.

— Не нужно убирать факт. Нужно правильно его обозначить.

— Всё у вас обозначения.

— Потому что из обозначений потом складываются решения.

Она взяла хронологию Лины.

— Здесь мать признаёт, что последняя встреча в целом прошла благополучно, и предлагает увеличить время до четырёх часов.

— А я прошу полный день.

— На каком основании сразу полный?

— Я отец.

— Это основание для общения, но продолжительность определяется с учётом обстоятельств.

— Каких ещё обстоятельств? Ребёнок меня знает. Не боится. Я всё умею. Есть водитель. Нина поможет.

— Если Нина помогает, это будет ваше общение или её?

— Мы семья.

— Тогда почему мать не может присутствовать?

— Потому что с ней невозможно.

— Но с тётёй можно?

— Нина не мешает.

— То есть вопрос не только в связи с ребёнком. Вам важно исключить мать из пространства общения.

Алексей посмотрел на Лину.

— Конечно. Я не хочу её видеть.

— Тогда нейтральная передача решает это.

— Но она запрещает везти домой.

— Пока предлагает городские встречи.

— Мой дом чем хуже?

— Мать заявляет об опасении невозврата и употреблении вами алкоголя.

— Опять.

— Это её позиция. Также учитывается расстояние и ваше состояние после инсульта.

— Я не инвалид.

— Никто этого не утверждает.

— Она утверждает.

— Я говорю, что ты пока не водишь и тебе трудно нести Юлю.

— На видео она увидела один момент с сумкой. Сделала вывод.

— Сумка выскользнула.

— Потому что ремень неудобный.

— А Юля тоже может выскользнуть?

В кабинете стало тихо.

Фраза прозвучала страшнее, чем Лина хотела.

Алексей побледнел.

— Ты совсем?

— Я спрашиваю о риске.

— Ты сравнила дочь с сумкой.

— Нет. Я говорю, что ребёнка сложнее удержать.

— Вот что она делает, — сказал он сотруднице. — Исползует болезнь. Унижает. Провоцирует. А потом записывает реакцию.

Лина почувствовала стыд.

Не потому, что вопрос был бессмысленным.

Потому что задала его жестоко.

— Формулировка была неправильной, — сказала она. — Извини. Я хочу понять, как ты будешь безопасно поднимать Юлю.

— Не твоё дело.

— Моё.

— Врачам виднее.

— Есть рекомендации?

— Есть выписка.

Он достал документ.

Елена Викторовна прочитала.

— Здесь указано продолжить реабилитацию, контроль давления, ограничение значительных физических нагрузок.

— Ребёнок не значительная нагрузка.

— Сколько она весит? — спросила сотрудница.

— Не знаю.

Лина ответила:

— Одиннадцать килограммов двести граммов.

Елена Викторовна посмотрела на него.

— Вам следует уточнить у врача, допустимо ли регулярно поднимать такой вес и можете ли вы безопасно действовать одной рукой.

— Нина будет помогать.

— Тогда пока встречи в присутствии другого взрослого могут быть разумны.

Алексей усмехнулся.

— То есть мать добилась.

— Мать предлагала вам четыре часа в городе без своего присутствия. Вы можете быть с Сергеем или тётей.

— А домой?

— Рекомендую пока не увеличивать одновременно и время, и расстояние. Сначала четыре часа в городе. Затем, если всё проходит спокойно, можно обсуждать поездку.

— Сколько раз?

— Две-три встречи.

— Опять три.

— Это рекомендация, не решение.

— А если я не согласен?

— Тогда обращайтесь в суд.

Слова прозвучали без угрозы.

Обычная процедура.

Но Алексей посмотрел на Лину так, будто она добила-
сь объявления войны.

— Хорошо, — сказал он. — Обращусь.

— До суда вы можете продолжать встречи добровольно.

— На её условиях?

— На согласованных.

— Они не согласованы. Она назначает.

— Вы можете предложить конкретный встречный вариант.

— Предлагал.

— Полный день дома.

— Да.

— Мать не согласна. Найдите промежуточный.

— Четыре часа в городе — её.

— Предложите пять.

Алексей помолчал.

— Пять. С двенадцати до пяти.

Лина ответила:

— Хорошо.

Он повернулся к ней.

Снова не ожидал.

— Без тебя.

— Да.

— С Сергеем.

— Да.

— Могу зайти с Юлей в кафе, магазин, детский центр, гулять в парке.

— Да. В пределах города.

— Не будешь звонить.

— Одно сообщение в половине времени.

— Нет.

— Тогда один короткий звонок.

— Нет.

— Мне нужно знать, что всё в порядке.

— Если будет не в порядке, сам сообщу.

— Как при падении?

— Да.

— А если всё нормально, ты не напишешь?

— Не обязан отчитываться.

— Тогда я буду пять часов не знать ничего.

— Именно. Как отец не знает, что происходит с дочерью остальные дни.

Слово «именно» прозвучало как наказание.

Не сообщение — не просто отказ от контроля.

Способ дать Лине почувствовать его отсутствие информации.

— Это не одинаковые ситуации, — сказала она.

— Для меня одинаковые.

— У меня она живёт. Я отвечаю за ежедневный уход.

— А в мои пять часов отвечаю я.

— Тогда короткое подтверждение безопасности — нор-

мальная часть передачи.

— Нет.

— Почему?

— Потому что хочу хотя бы пять часов не чувствовать тебя рядом.

Лина посмотрела на Елену Викторовну.

Та сказала:

— Одно сообщение о том, что всё в порядке, не выглядит чрезмерным требованием, учитывая возраст ребёнка и первые расширенные встречи.

Алексей сжал губы.

— Хорошо. Одно.

— В половине третьего? — спросила Лина.

— В два тридцать.

— Встреча с двенадцати до пяти.

— Да.

— Возвращение без опоздания.

— Постараюсь.

— Нет. Вернёшь в пять.

— Могу задержаться из-за ходьбы.

— Тогда выйди заранее.

Он посмотрел на неё.

— Хорошо.

Елена Викторовна записала договорённость.

— Следующая суббота?

— Да, — ответили оба.

На бумаге всё выглядело просто.

Пять часов.

Город.

Сергей.

Одно сообщение.

Возвращение в срок.

Но для Алексея главным оставалось не то, что он получил два дополнительных часа.

А то, что согласие потребовало переговоров.

Время отца всё ещё выдавалось не автоматически.

Значит, борьба продолжалась.

После беседы Алексей не стал ждать Лину в машине.

Пошёл рядом по коридору.

Медленно.

Трость ударяла по полу.

Тук.

Пауза.

Тук.

Пауза.

— Ты довольна? — спросил он.

— Чем?

— Сделали из меня больного.

— Никто не делал.

— Ты принесла выписку.

- Ты сам её достал.
- Потому что вынудили.
- В ней рекомендации врача.
- Через месяц я буду водить.
- Если врач разрешит — хорошо.
- И тогда ты больше не сможешь запрещать поездки.
- Вождение — не единственное условие.
- Конечно. Найдёшь новое.
- Я хочу, чтобы всё проходило безопасно.
- Нет.

Он остановился.

Люди обходили их.

- Ты хочешь, чтобы я зависел от твоего решения.

— Почему?

— Потому что пока ты выдаёшь часы, я должен с тобой разговаривать.

Лина почувствовала холод.

- То есть без Юли ты бы со мной не разговаривал?

— Ты сама не хочешь.

— Я спрашиваю, зачем тебе разговор со мной.

— Чтобы получить дочь.

Прямой ответ.

- А если порядок установит суд?

— Тогда разговаривать будем только по делу.

— Мы и сейчас говорим по делу.

— Нет. Сейчас ты оцениваешь меня.

— Потому что порядка ещё нет.

— Вот поэтому он будет.

Алексей пошёл дальше.

Лина осталась на месте.

Трость снова застучала.

Тук.

Пауза.

Тук.

Не три удара.

Ровный ритм.

Человек уходил не слабым.

Не побеждённым.

С опорой.

Только опорой теперь была не трость.

Будущий документ.

Пять часов состоялись через неделю.

Сергей пришёл вместе с Алексеем.

В 12:00 Лина передала Юлю.

В 14:30 получила сообщение:

ВСЁ НОРМАЛЬНО.

В 16:57 красная коляска появилась у центра.

Алексей вернул дочь точно в пять.

Юля была уставшей, но спокойной.

В руках держала новую куклу.

На куртке — пятно от сока.

В сумке лежал лист с режимом:

12:40 — еда.

13:30 — прогулка.

14:10 — сон 45 минут.

15:20 — детский центр.

16:10 — перекус.

Всё выполнено.

Ни одного нарушения.

— Как прошло? — спросила Лина.

— Нормально.

— Плакала?

— Один раз. Быстро успокоилась.

— Кто держал?

— Я.

— Рука?

— Справился.

Она кивнула.

— Спасибо, что вернул вовремя.

— Теперь полный день.

— Мы обсудим.

— Что ещё обсуждать?

— Это была первая пятичасовая встреча.

— Успешная.

— Да.

— Тогда оснований нет.

— Для чего?

— Для дальнейших ограничений.

— Нужно посмотреть, как Юля перенесёт вечер и ночь.

— Она не больная.

— После длинной встречи ребёнок может перевозбудить-

ся.

— У тебя на всё причина.

— Я напишу завтра, как она.

— Не надо. Я сам позвоню.

— Во сколько?

— Утром.

— Не раньше девяти.

— Опять окно.

— Она спит.

— Хорошо.

Он развернулся.

Потом вспомнил:

— Куклу я купил.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.